

ВИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

съ художественно-литературными и научно-популярными журналами:

„Новая Иллюстрація“, „Огонекъ“, „Знание и Искусство“, „Здравіе Семьи“

и съ выходящимъ отъ 3-хъ до 4-хъ разъ въ недѣлю журналомъ

„ДНЕВНИКЪ ВОЙНЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
со всѣми приложения-
ми и съ пересылкою:

На годъ **4 р. 80 к.**
На полгода **2 руб. 40 коп.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ
Русскія: первая полоса 50 к.
(при наборѣ конвоя 60 к.),
за мѣсто, замѣ-
няемое строчкой
конвоя 1 р. 20 к. Загра-
нничныя: первая полоса 1.50
руб. и, вторая—3 руб. и др.

Всѣ статьи для печатанія въ газетѣ должны быть
достаточно разсужденны и подписаны и съ адре-
сомъ автора, безъ чего онѣ печатаны не будутъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
со всѣми приложения-
ми и съ пересылкою:

на ТРИ мѣсяца **1 р. 20 к.**
На 1 мѣсяць 40 коп.
Перенѣна адреса 15 коп.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА (безъ пересылки) 2 к.
Главная Контора и Редакція:
СПБ., Мѣшадская ул., собств. д., № 25.
Адресъ для телеграммъ: „Виржедомости“.

Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий,
включаются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи
обратно не возвращаются. Телефоны №№ 662 и 569.

знающую ничего священнаго пѣльностью будней, которую такъ великодушно и страшно запечатлѣлъ самъ Чеховъ. Сегодня устранили эту досадную частность въ Петербургѣ—завтра она воскресла въ Москвѣ...

Возложили вѣнки, отслужили панихиду подъ оглушающей и прерывающей возгласы свисты и ржаніе локомотивовъ. Гробъ подняли на носилки и двинулись, сопровождаемые огромной толпой, задолго собравшейся на вокзалѣ. Четыре колесницы-горки—сплошь въ вѣнкахъ. Буквально уже некуда было бы прикрѣпить хоть одинъ новый, ручного размѣра. Цѣлый газетный столбецъ заняло бы, вѣроятно, одно простое ихъ перечисленіе. Еще и еще привозили послѣ, уже прямо на кладбище, между прочимъ, и изъ Петербурга, съ слѣдующимъ поѣздомъ.

Вѣнки отъ цѣлыхъ городовъ, какъ, напримеръ, отъ Клина, отъ провинціальныхъ редакцій, виленьскихъ, одесскихъ, отъ частныхъ лицъ—свѣтъ. Г. С. Петрова, Суворинныхъ, Амфиатрова, Дорошевича. Очаровательный вѣнокъ Шалапина изъ живыхъ розъ, лилій и орхидей, съ грустнымъ восторгомъ видѣлъ и уже на кладбищѣ. Какая-то аллегорія напрашивалась, грустная и красивая. Тысячи голосовъ заплѣли „Святый Боже“. Заколыхались колесницы. Сзади нихъ пошелъ пустой бѣлый балдахинъ. Непосредственно за гробомъ шли родные. Печальную, страшно похуѣвшую вдову Чехова, О. Л. Книпперъ, сопровождали друзья Чехова по литературѣ и театру—В. А. Гольцевъ и Вл. И. Немировичъ-Данченко.

III.

Да, здѣсь встрѣчали писателя дружно, по стовору. Во всѣхъ газетахъ въ этотъ день вышли траурныя предупредительныя публикаціи. Нѣсколько дней гребли газеты славнымъ именемъ. И Москва приготовилась, какъ къ торжеству. На улицахъ высыпали и выстроились толпы. Всѣ балконы были заняты. Усыяны огнями домовъ. Все смотрѣло вдаль жадно и любопытно. Такъ въ театрахъ возвращается цезарь съ побѣды.

Поражало, однако, изобиліе на улицахъ неинтеллигентной массы. Разумѣется, преобладала въ сопровождающей толпѣ учащаяся молодежь, интеллигенція, сотрудники московскихъ редакцій, и это было прекрасное зрѣлище, но кругомъ на улицахъ и площадяхъ подавляющее большинство составлялъ именно холодный зритель, чужой Чехову и его не знающій. Онъ пропускалъ процессію и здѣсь, можетъ быть, впервые получалъ энциклопедическую справку о Чеховѣ. Вотъ дюжина поваровъ и кухонныхъ мужиковъ изъ глазами. Если бы все это, что столпилось на тротуарахъ, примыкало къ процессіи—черезъ полчаса она разрослась бы въ многотысячную массу. Но примыкало только очень ограниченный процентъ интеллигенціи, хотя и составившей, въ концѣ концовъ, огромную толпу, но далеко не пропорціональную массѣ встрѣчныхъ.

Я мало знаю Москву и, можетъ быть, ошибаюсь, но этотъ элементъ холоднаго московскаго любопытства и „зрительства“, несомнѣнный для очень значительной части встрѣчающихся, врѣзался въ прекрасную картину проводовъ нашего цезаря къ могилѣ тѣмъ, кто зналъ его въ настоящую величину, и имъ понижалось впечатлѣніе глубокой траурной серьезности и настоящаго прощанья, не признавая значенія момента, какъ историческаго. Настроеніе, торжественное и важное, было только тамъ, въ толпѣ за гробомъ, спокойной и несуетливой, и въ живой цѣпи, образованной далеко до гроба студентами и окаймившей ту же интеллигентную толпу, съ преобладаніемъ женской молодежи, двигавшейся, благодаря этому, въ полной свободѣ и порядкѣ, безъ всякой давки.

Пусть москвичи осудятъ меня, но это было такъ. И я даже очень сдержанъ въ выраженіяхъ. Разумѣется, и этотъ элементъ неизбеженъ въ Москвѣ, какъ неизбеженъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Берлинѣ. И въ концѣ концовъ, даже для праздно любопытствующихъ поучителенъ посмертный триумфъ писателя,

потому что онъ воспитываетъ. Но въ Петербургѣ на историческихъ похоронахъ мнѣ не приходилось никогда переживать такого явственнаго ощущенія чуждости стороннихъ зрителей. Петербургъ, даже неинтеллигентный, сдержанный и осторожный. Московскій проспектъ откровеннѣе...

IV.

Глядя снизу на подъемъ Кузнечкаго моста, можно было какъ на ладони разсмотрѣть настоящіе размѣры траурной процессіи, обрисовавшейся на широкомъ склонѣ улицы. Уже здѣсь толпа была очень велика. Къ моменту приближенія къ Новодѣвичьему монастырю она возросла въ нѣсколько разъ. Конечно, нѣсколько тысячъ,—но какъ сказать, сколько? Вѣроятно, московскіе репортеры опредѣлятъ ее если не съ большою точностью, то съ большою смѣлостью.

Такъ шли, пѣли,—молодежь сама организовала хоръ, и звуки были стройные и мощные. Остановливались у тѣхъ мѣстъ, которыя освящены именемъ Чехова или къ которымъ онъ имѣлъ касательство, и служили лѣтія. Служили ихъ у тургеневской читальни, у остротѣвскаго Художественнаго театра, у редакторіи „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“, у памятника Пирогова. Чеховъ, какъ извѣстно, питомецъ медицинскаго факультета московскаго университета. И здѣсь онъ однажды лежалъ еще при самомъ началѣ развитія своего недуга, но уже съ возможностью предчувствія неизбежности своего конца.

Лѣтія съ студенческими хоромъ вышли бы длинны, и пѣли ихъ пѣвчіе,—пѣвчіе изъ чеховскихъ книгъ, какіе-то хмурые, безъ кафтаниковъ, съ подвернутыми брюками,—и речитативъ ихъ казался тихимъ послѣ громкаго общаго пѣнія, сдержаннымъ и еще болѣе печальнымъ.

Такъ двигались по Мясницкой, Кисловкѣ, Знаменнѣ, Волхонкѣ, Пречистенкѣ. Въ Газетномъ переулкѣ мы увидѣли одно изъ послѣднихъ явленій печальной чеховской трагедіи. Двое братьевъ писателя присоединились къ провожающимъ.

— Дайте дорогу матери и сестрѣ!

Мать Чехова съ его двумя братьями и сестрою только съ девятичасовымъ поѣздомъ успѣла прибыть съ курскаго вокзала. Вышла эта встрѣча и трогательной, и вчужѣ мучительной. Жена и сестра замерли въ объятіяхъ. Тихо-тихо стало въ толпѣ...

Одного изъ братьевъ Чехова можно было узнать безъ разспросовъ. Очень большое фамильное сходство. Точно отсвѣтъ чеховскаго лица, чеховской одухотворенности лежитъ на лицѣ этого человѣка, волосы котораго уже начинаютъ серебрить сѣдина...

V.

А день былъ ясный и красивый, со слегка угрожающимъ небомъ, но пока щадившій шелкъ траурныхъ лентъ и насъ, провожавшихъ. У входа въ Новодѣвичій монастырь и въ самыхъ стѣнахъ кладбища стояли сотни людей. Похоже было, что это храмовой праздникъ, и все собралось сюда, нарядное и оживленное. Только траурнымъ пятномъ выдѣлялась вправо отъ входа въ ворота группа монахинь и бѣлицъ, готовыхъ принять еще одного, идущаго въ ихъ „вѣчные дома“.

Были многіе изъ писательской среды. Сотни глазъ ловили Шалапина, Горькаго, въ высшихъ сапогахъ, черномъ пальто съ перехватомъ назади и какой-то фантастической поарковой шляпѣ. Была, разумѣется, вся литературная и газетная Москва, если такъ можно выразиться, случившаяся въ Москвѣ, т. е. не выѣхавшая на лѣто. Не было только, по волѣ судьбы и обстоятельствъ, ни одного изъ тѣхъ писателей, которыхъ обычно относили и относятъ къ одной съ Чеховымъ плеядѣ и въ возглавіи которыхъ онъ обычно ставился. Это чувствовалось и отмѣчалось.

Дважды своеобразнымъ звономъ монастырскій колоколъ возвѣстилъ прибытіе тѣла.

Гробъ внесли въ Успенскій соборъ, толпа расплеснулась по монастырскому двору, по кладбищу. Огромнымъ кругомъ залила она

могилу, приготовленную для Чехова рядомъ съ могилою его отца и неподалеку отъ могилы Плещеева. Трудно опредѣлить радиусъ. Его могли бы съ удобствомъ опредѣлить молодые люди, по трое, по четверо забравшіеся на сучья двухъ большихъ деревьевъ, впадающихъ отъ мѣста погребенія.

Могила выставилъ съ боковъ цвѣтами, снизу лавровыми вѣтками. Земля, принимая Чехова, прикрыла свою пугающую наготу розами и левкоями. Ясень далеко раскинулся надъ ямой...

Мы ждали томительно долго. Такой тѣсноты я не испытывалъ ни на однихъ литературныхъ похоронахъ. Не было возможности ни пройти, ни уйти изъ огромнаго живого колыска, въ которомъ пустыми оазисами являлись только огражденные рѣшетками мѣста. Конечно, всюду на пьедесталахъ памятниковъ и бесѣдкахъ расположились провожавшіе. Это была уже сплошь интеллигенція и въ подавляющемъ размѣрѣ учащаяся. Было до такой степени тѣсно, что даже подъ открытымъ небомъ какого-то ресторана, въ бѣлыхъ чехлахъ, скупилась у своихъ воротъ, воть кучка приказчиковъ изъ магазина съ лицами Епихова—и всѣ ждуть съ веселыми и любопытствующими глазами стало точно душно и нечѣмъ дышать. Запахло валеріановыми каплями...

Наконецъ уже послышалось пѣніе. Долгие едва-ли хватило бы силы ждать. Гробъ несли. Но вѣрныхъ полъ-часа протискивались съ нимъ черезъ какія нибудь нѣсколько саженъ. Долго просили дороги, слышались мужскіе голоса и женскіе пугливые выкрики. Гробъ донесли, опустили. Видимо, свѣтили. Возлагали эктению или одновременно съ пѣніемъ гдѣ-то въ отдаленіи располагавшихся пѣвчихъ. Шуршащій звукъ сыплющегося на гробъ песку... Тяжелые удары раскалывающихся о крышку земляныхъ глыбъ...

И гробъ засыпали...

Долго ждали рѣчей. Долго, какъ всегда, никто не говорилъ. Рассказывали, что замѣченный рѣчь нельзя было произнести за невозможностью пройти къ могилѣ. Даже не всѣ изъ родственниковъ покойнаго протискались къ ней. Дважды начинавшій накрапывать дождь вдругъ зачастилъ настоячиво и рѣшительно. Раньше онъ точно щадилъ Чехова и толпу... Это была какъ бы вѣная аллегорія. „Почтите его молчаніемъ. Словъ вашихъ не нужно.“ Не всѣ, впрочемъ, это поняли. Охотники поговорить не смутились антрактомъ и говорили заурядныя, никому не нужныя, слова и заурядныя стихи.

Дождь скоро прошелъ, и потомъ возобновлялся опять минутами. Въ поэтическомъ уголкѣ кладбища, у новой могилы, до самаго вечера сидѣла кучками молодежь и бесѣдовала, и это было красиво и трогательно...

А. Пивайловъ.

Похороны А. П. Чехова.

(Корреспонденція изъ Москвы).

I.

Москва осудила Петербургъ за холодность встрѣчи тѣла Чехова. Обвиненіе, которое было бы тяжелымъ и несмысленнымъ, если бы Петербургъ былъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ Москвою, если бы его предупредили, какъ Москву, если бы его не сбили съ толку ложныя сообщенія газетъ, позволявшія ждать прибытія дорогого праха когда угодно, только не въ четвергъ. Вѣдь, разумѣется, въ противномъ случаѣ, уже простыхъ охотниковъ до зрѣлищъ собрались бы сотни. Печальная оплошность, досаднѣйшая оплошность, обидная и памятно-поучительная, но однако-же—гдѣ преступленіе, о которомъ кричатъ московскіе фельетонисты, въ восторгѣ отъ собственной корректности и чуткости?

Все, что есть хорошаго въ Петербургѣ, все, что любило Чехова,—было искренно обрадовано извѣстіемъ о проѣздѣ тѣла черезъ столицу и такъ же искренно огорчено невозможностью повидать хотя бы его гробъ. Ужѣли же мы, наконецъ, хоронить,—и даже въ послѣднее время,—довольно вспомнить похороны Глѣба Успенскаго, Михайловскаго. Не шесть человекъ встрѣчали ихъ и провожали, а по части литературной чуткости и пониманія настоящей величины писателей Петербургу, кажется, нѣтъ никакихъ причинъ уступать Москвѣ почетное приматство.

Одинъ простой слухъ, пролетѣвшій по Петербургу, что съ восьмичасовымъ вечернимъ поѣздомъ въ четвергъ прахъ писателя отбываетъ въ Москву, уже собралъ на вокзалѣ большую, чѣмъ обычно, толпу. Была молодежь, и огорченіе читалось на милахъ лицахъ студентовъ. Привезли вѣнки отъ нѣкоторыхъ редакцій. Были два трогательныхъ вѣнка изъ живыхъ цвѣтовъ, скромныхъ, безымянныхъ. Но гроба уже не было. И вѣнки сиротливо сложили въ товарный вагонъ. Чужія руки возложили ихъ на утро на чеховскій гробъ.

II.

Москва встрѣтила Чехова тепло, сплоченно. Всѣ знали, всѣ собрались. Здѣсь ничто не могло обидно рѣзнуть глазъ. Только опять этотъ вагонъ „для свѣжихъ устрицъ“! Въ Петербургѣ, при первой панихидѣ, маляръ замазалъ надпись со стороны публики. На другой сторонѣ она осталась. И этою стороною подошелъ вагонъ къ Москвѣ, подчеркивая какъ-то символически ту фатально-неустранимую окаймляющую пошлость обывающей и не